

CZU: 343.341:316.624

О ПРИЧИННОСТИ РЕЛИГИОЗНОЙ ДЕВИАНТНОСТИ И ПРЕСТУПНОСТИ*Лилия ГЫРЛА, Алексе ЖЕФЛЯ**Молдавский государственный университет*

В статье предпринят всесторонний криминологический анализ причинности и предупреждения религиозной девиантности. Особо рассмотрены вопросы мотивации, условий и причин вступления в религиозные объединения экстремистского толка. Обосновывается, что религиозная девиантность и религиозная преступность не являются понятиями тождественными. Религиозной преступностью признается лишь та совокупность деяний, которые по своим признакам являются преступлениями в соответствии с уголовным законом. Под религиозной девиантностью надлежит понимать как любое нарушение действующего законодательства (в том числе и уголовного) в сфере религиозных правоотношений, так и любое нарушение социальных норм теологического характера. По мнению авторов, религиозный фундаментализм является благоприятной почвой для взращивания религиозного экстремизма как самостоятельной формы религиозной девиантности. В свою очередь религиозный экстремизм является основой проявлений религиозного терроризма как апогея религиозной девиантности, достигшей уровня религиозной преступности.

Ключевые слова: религиозная преступность, причины религиозной преступности, религиозная девиантность, религиозный фундаментализм, религиозный радикализм, религиозный терроризм, религиозный экстремизм.

DESPRE CAUZALITATEA DEVIANȚEI ȘI A CRIMINALITĂȚII RELIGIOASE

Scopul propus în acest articol rezidă în analiza criminologică comprehensivă a problemelor de cauzalitate și prevenire a devianței religioase. Sunt analizate probleme de motivație, condiții și cauze care contribuie la aderarea la organizații religioase de natură extremistă. Se demonstrează că devianța religioasă și criminalitatea religioasă nu sunt noțiuni identice. Criminalitatea religioasă constituie o totalitate de fapte care, în conformitate cu legea penală, întrunesc semnele unei infrațiuni. Devianța religioasă presupune orice formă de încălcare a legislației în vigoare, inclusiv a celei penale în sfera rapoartelor juridico-religioase, precum și orice încălcare a normelor sociale de natură teologică. În opinia autorilor, fundamentalismul religios este privit ca o condiție favorabilă pentru avansarea și extinderea extremismului religios ce constituie formă de sine stătătoare a devianței religioase, iar extremismul religios constituie temelie pentru manifestările terorismului religios, ca apogeu al devianței religioase care a atins nivelul criminalității religioase.

Cuvinte-cheie: criminalitate religioasă, cauzele criminalității religioase, devianță religioasă, fundamentalism religios, radicalism religios, terorism religios, extremism religios.

ON THE QUESTION OF CAUSALITY IN RELIGIOUS DEVIANCY AND CRIMINALITY

The purpose of this scientific research is considered to be a comprehensive criminological study about the questions of causality and prevention of religious deviation. The authors are examining questions of motivation, conditions and causes regarding joining up to the religious organizations of the extremist character. There is demonstrated that religious deviation and religious criminality are not equal categories.

Religious criminality is a totality of crimes which constitute items of a criminal offence in accordance with the Criminal law. At the same time, religious deviation assumes any form of violation of legislation in force (including the criminal one) in the sphere of religious social relationships as well as any violation of social norms of theological character. According to the authors' view, religious fundamentalism is regarded as a favorable premise for extremism advanced growing up, as an independent form of religious deviation, but the religious extremism is the basis of religious terrorism manifestation as the apogee of religious deviation, which has reached the level of religious criminality.

Keywords: religious criminality, causes of religious criminality, religious deviation, religious fundamentalism, religious radicalism, religious terrorism, religious extremism.

Введение

Данное научное исследование посвящено выявлению причинности религиозной преступности, истокам таковой и условиям, фаворизирующим совершение подобных преступлений. Авторами особо рассматриваются мотивации, условия и причины вступления в религиозные объединения экстремистского толка.

Целью исследования являлся всесторонний криминологический анализ причинности и предупреждения религиозной девиантности. В задачи исследования входило детальное исследование религиозной девиантности в трудах современных криминологов, социологов, педагогов и психологов; соотношения понятий «религиозный фундаментализм», «религиозный экстремизм» и «религиозный терроризм»; выявление специфики идеологии религиозного экстремизма в сравнении с другими формами экстремистской деятельности (политической, националистической и т.д.); изучение категории религиозной идентичности как основного компонента религиозного фактора, используемого террористами; выявление факторов религиозной радикализации, приводящих к религиозной девиантности; идентификация причин и мотивов вовлечения в нетрадиционные религиозные объединения потенциальных адептов; выявление личностных особенностей лиц, вовлекаемых в деструктивные религиозные или псевдорелигиозные течения; факторов, потенциально превращающих некоторые деструктивные религиозные организации в высококриминальные сообщества; возможностей предупреждения религиозной девиантности посредством предотвращения вовлечения молодежи в деструктивные религиозные секты и т.д.

В качестве *теоретической базы* были избраны труды К.Б. Ахмедовой, Н.С. Громовой, А.Я. Гуськова, А.И. Долговой, А.М. Зюкова, А.Ф. Минекаевой, О.А. Мироновой, Т.К. Мухиной, Л.Н.Панковой, А.Н. Сыроваткина, Ю.В. Таранухи, И.А. Чесноковой, Е.Г. Чуганова, С.И. Чудинова. Указанные авторы внесли существенный вклад в развитие не только современной криминологической науки, но и социологии, педагогики и психологии.

Сразу же обозначим, что *религиозная девиантность* и *религиозная преступность* не являются понятиями тождественными. Так, религиозной преступностью признается лишь та совокупность деяний, которые по своим признакам являются преступлениями (виновность, вредоносность, запрещенность уголовным законом, уголовная наказуемость) в соответствии с уголовным законом. В то время как под религиозной девиантностью надлежит понимать как любое нарушение действующего законодательства (в том числе и уголовного) в сфере религиозных правоотношений, так и любое нарушение социальных норм теологического характера. По нашему мнению, религиозный фундаментализм является благоприятной почвой для взращивания религиозного экстремизма как самостоятельной формы религиозной девиантности. В свою очередь, религиозный экстремизм является основой проявлений религиозного терроризма как апогея религиозной девиантности, достигшей уровня религиозной преступности.

Дискуссии и полученные результаты

Итак, следует различать религиозный фундаментализм, религиозный экстремизм и религиозный терроризм.

Религиозный фундаментализм – это движение за возвращение к основам религиозной веры, религиозным корням, отстаивание фундаментальных религиозных ценностей. Религиозный фундаментализм изначально и потенциально конфликтен, поскольку выдвигает в качестве приоритетных не национальные, государственные, демократические ценности, а *религиозные*. Фундаменталистские движения существуют в католицизме, православии и исламе. Но фундаментализм всегда есть движение, остающееся в границах религиозного сообщества. В то же время в своих крайних проявлениях религиозный фундаментализм вырождается в экстремизм. Вот почему *религиозный экстремизм* (от лат. *extremus* – крайний) – это приверженность к крайним взглядам и мерам в стремлении переустройства мира в соответствии с религиозными фундаменталистскими взглядами.

Отстаивание «*чистой религиозности*» достигается при помощи очищения внешнего мира – так рождается религиозный экстремизм и терроризм. Внутреннее преображение личности оказывается вторичным, главным является *внешнее преображение мира*. Во имя достижения этой цели раздаются призывы к насилию, которые вырождаются в применение открытого насилия.

Как справедливо указывают Л.Н. Панкова и Ю.В. Тарануха, *религиозно-мотивированному экстремизму* присущи очень высокий уровень консолидации участников террористических действий; наличие относительно устойчивой социальной базы движений.

Соответственно, под **религиозным экстремизмом** понимается *устойчивая религиозная установка или один из типов современного религиозного сознания, прямо или косвенно нарушающий конституционные права личности, гарантии свободы совести*. Поясним, что религиозный экстремизм – это

религиозно мотивированная или религиозно закамуфлированная деятельность, направленная на возбуждение религиозной розни, дифференциации и ненависти.

Поясним также, что *радикализм* фиксируется, прежде всего, на содержательной стороне тех или иных идей («корневых», крайних) и может быть только идейным, а не действенным, в отличие от экстремизма, который всегда бывает действенным, но не всегда идейным. *Радикалы* выступают за изменение самих основ социального порядка, социально-политического устройства и смену власти, но не пропагандируют (или, как минимум, не применяют) насильственные методы. Пропагандируемые методы могут быть ненасильственными. Если радикализм проявляется в содержании идей, то экстремизм – в методах их воплощения в реальность [1].

Итак, лексема «*экстремизм*» совершенно определенно переводится на русский язык как «*крайность*». Но что это за крайность, в чем она заключается?

Экстремизм в самом общем смысле подразумевает такую стратегию решения общественно значимых проблем, которая включает в себя бескомпромиссную установку по отношению к оппонентам, соединенную с нелегитимным насильственным способом реализации преследуемых целей (вплоть до террористической тактики).

Количество видов экстремизма внушительно и постоянно нарастает. Это молодежный экстремизм, политический, социально-политический, этнополитический, этнический, расово-этнический, религиозный, этнорелигиозный, национал-экстремизм, религиозно-политический, преступный, криминальный религиозный, криминальный политический и т.д. Кроме того, традиционно выделяются «левый» и «правый» экстремизм. В последнее время заговорили об «информационном экстремизме», «насильственном экстремизме» [2, с.11].

Экстремизм – это специфический способ деятельности неформальных социальных групп; это вариант социального конфликта между обществом или господствующими в нем социальными институтами (в терминологии ряда экстремистских идеологий – *системой*) и отрицающей его (их) агрессивно настроенной социальной группой. Если такая группа приходит к власти, она длительное время не утрачивает своего экстремистского характера, продолжая активное противостояние обществу в целях его изменения в русле своих ценностей. В самом общем приближении экстремизм – это *политическая практика*, в основе которой лежат *радикальные идеи*, отрицающие идейно-институциональные основы данного общественно-политического устройства и призывающие к немедленному насильственному изменению легитимного конституционного строя.

Три элемента, свойственные экстремизму как институту, – это *экстремистская идеология; экстремистская деятельность; экстремистская организация* [3, с.51-52]. Важным с точки зрения толкования термина является установление отношений тождества между понятиями «*экстремистская деятельность*» и «*экстремизм*», поскольку одной из основных характеристик данного явления можно считать активное участие в осуществлении противозаконных действий [3, с.51-52].

Так, по мнению С.И. Чудинова, экстремизм предполагает наличие двух структурных элементов: экстремистской идеологии и специфической направленности личности, характеризующей приверженностью к экстремистской идеологии, «*осознанным признанием «правоты» такой идеологии и внутренней готовностью к претворению ее положений в действительность преступным путем*» [1].

Экстремизм не может быть сведен лишь к методам реализации задач, так как он всегда имеет идеологическую основу, даже если ее сложно разграничить от родственных радикальных течений общественной мысли, непосредственно не замешанных в экстремистской деятельности. Экстремисты не только идеологически выступают за свержение существующего социального и политического порядка и его замену новым, но и реализуют на практике насильственные методы политической борьбы. Как уместно отмечает Н.С. Громова, *экстремизм немислим без вербальной составляющей* [3, с.51-52]. Сложно предположить, что прежде чем перейти к насилию, потенциальный экстремист не ознакомится с письменными материалами, не выслушает позицию лидера, не пообщается со своими единомышленниками. Так, отсутствие вербальной активности в первой группе средств не говорит о самостоятельности совершаемых действий. Следовательно, вербальная часть присутствует в любом экстремистском деянии как самоцель (подстрекательство, пропаганда) либо как этап подготовки преступления.

Цитируемый автор формулирует пять главных вопросов, которые должны быть ключевыми при классификации деяния в качестве экстремистского: кто, что, как, против кого и с какой целью? При

анализе экстремизма в целом уместно говорить о некоем злоумышленнике или группе (*кто?* субъект), которые совершают противоправные действия (*что?* действие), сопряженные с осознанным ущемлением прав граждан (*как?* средства) и направленные против общества (*против кого?* объект) во имя какого-либо идеала (*цель?* идеология). Так, если человек в течение нескольких месяцев готовил взрывчатку, изучал местность, разместил взрывное устройство на площади во время массового скопления населения с целью убить людей, то вряд ли можно сказать, что это было случайно [3, с.53-55]. Автор далее подчеркивает, что если другой человек в интернете под вымышленным именем полгода жаловался на жизнь, призывал всех выйти на эту самую площадь с целью проведения несанкционированного митинга, то можно ли утверждать, что *это было спланировано, и является ли данное действие экстремистским?* Нет, однозначно проследить взаимосвязь данных фактов невозможно. Именно в этом и состоит принципиальное отличие дела от слова. Когда говорят о вербальном экстремизме, то невозможно четко определить все компоненты, поскольку *это не конкретное действие, а процесс*.

Согласно Н.С. Громовой, *вербальный экстремизм* – это процесс, который может иметь отложенную цель и длительную реализацию. При этом осуществление пропаганды не имеет такого критерия – *это процесс, его нельзя прекратить, изъяв экстремистские материалы или изолировав пропагандистов, т.к. механизм уже запущен и не прекратится под влиянием внешних факторов воздействия: в умах людей уже есть экстремистская информация, и ее невозможно оттуда изъять*. Поэтому, определяя характеристики вербального экстремизма, необходимо его принадлежность относить к категории речевых (или вербальных) преступлений, достаточно распространенных в современном обществе: клевета, оскорбление, диффамации, разглашение закрытой или личной информации [3, с.53-54].

Спецификой пропаганды, по мнению цитируемого автора, можно считать невыявленность ее конечной цели, а следовательно, абстрактность возможных последствий, что затрудняет противодействие ей. При осуществлении пропаганды экстремистских идей и вербовке последователей чаще всего применяются особые методы не только нейролингвистического программирования и речевого зомбирования, но и просто эмоционального воздействия (повышенный эмоциональный фон передаваемой информации). Отсутствие рациональных доводов заменяется эмоциональностью способов и средств ретрансляции информации, что приводит к ускоренному процессу принятия сообщения, поскольку нет необходимости тратить время на осознание логических связей. При этом отсутствие конкретных доказуемых фактов затрудняет возможность опровержения утверждений, воспринимаемых как аксиома.

По мнению Н.С. Громовой, можно говорить об отложенном действии вербального экстремизма, то есть адресант провел определенную работу со своими адресатами, но никаких общественных потрясений нет, адресаты не видят никаких ущемлений своих прав и спокойно продолжают быть законопослушными гражданами ровно до того момента, как они усмотрят малейшую несправедливость по отношению к ним. Следовательно, потенциально каждый человек, получивший когда-то определенный набор экстремистской информации, может стать либо ее ретранслятором, либо ее исполнителем. При этом следует понимать, что после *«точки невозврата»* бороться с идеологией уже невозможно, нужно будет только противодействовать ее проявлениям [3, с.53-54]. *Экстремизм не может быть идеологией или политическим учением*, но лишь видом различных практик, таких как геноцид, этноцид, религиозные войны.

Понятие *«религиозный терроризм»* имеет достаточно условный характер, поскольку основные религии мира в их традиционном каноническом содержании, и это утверждается многими специалистами, не совершают актов терроризма, не призывают к нему, а поддерживают базовые духовные или общечеловеческие ценности. По оценкам экспертов, религиозный терроризм развивается значительно динамичнее, чем другие виды терроризма [4, с.41]. Прежде всего, он находит свое выражение в обосновании терроризма преимущественно религиозной аргументацией, в принадлежности организаторов и участников структур религиозного терроризма к соответствующим конфессиям, в преимущественно религиозной мотивации участников террористических действий [4, с.87-92]. Так, религиозные террористы используют насилие в целях, которые, по их мнению, определены Господом; если *«светские»* террористы осознают себя *«частью системы, которую они должны изменить»*, то *«религиозные»*

выносят себя за ее пределы, предполагая окончательное разрушение этого мира. При этом объекты их нападений размыты и географически, и этнически, и социально, а потому – более масштабны: их врагами являются все, кто не относится к данной религии или конфессии [5].

Террористами становятся те экстремисты, которые активно используют террористическую стратегию (*«террористы на практике»*) или хотя бы просто пропагандируют такие методы борьбы (*«террористы в идеологии»*). Ясную дифференциацию понятий *«экстремизм»* и *«терроризм»* проводит К.Б. Ахметова: *«Экстремизм, опираясь на какую-либо идеологию, предоставляет теоретическое обоснование применению насилия, в то время как терроризм выступает как система действий, опирающихся, как правило, на экстремистскую идеологию, поскольку террор применяется для достижения поставленных политических целей»* [6, с.75].

Религиозная идентичность террористической группы является одним из основных механизмов религиозного фактора противодействия терроризму. Религиозная идентичность определяется К.Б.Ахметовой как *«категория религиозного сознания, содержанием которой выступает осознание причастности к идеям и ценностям, которые в данной культуре принято называть религиозными, а также осознание принадлежности к конкретной форме религии и религиозной группе»* [6, с.79].

Для понимания религиозной идентичности следует учитывать, что **религиозность** является динамической частью личности верующего, отражающей качество и уровень его религиозных убеждений. Религиозность является также основой личностной идентичности верующего. Религиозность может характеризоваться как радикальная или умеренная, но при этом данная характеристика не может быть применена в отношении религии, так как на религию не может быть возложена ответственность за качество религиозных убеждений верующего. Ответственность за религиозные убеждения, радикальные или умеренные, лежит на самом верующем как на сознательном человеческом существе. Таким образом, религиозная идентичность является важным компонентом личностной и социальной идентичности [6, с.80].

Название террористической группы служит первым и главным признаком того, как группа позиционирует себя обществу и как общество воспринимает группу. В основном, название террористической группы предполагает две части: *«Кто мы такие»*, то есть, идентичность группы, и *«Что мы хотим»*, то есть цели группы. Террористические организации различаются по своей иерархии, стилю лидерства и организационной структуре. Анализ сетей террористических групп может предоставить важную информацию об уникальных характеристиках террористических организаций – от вопросов сетевой вербовки последователей, сетевой эволюции, до распространения радикальных идеологий через сети [6, с.88].

Точное количество террористических групп невозможно установить, так как процессы возникновения данных групп, их преобразования и прекращения их деятельности крайне динамичны и стихийны. Террористические группы часто объединяются в коалиции или отделяются и создают новые группы, в зависимости от меняющейся стратегии, лидерства, спонсоров и меняющихся политических обстоятельств. Взаимоотношения между террористическими группами крайне нестабильны в силу частых переходов от кооперации к конфликту и наоборот.

Еще одним аргументом, свидетельствующим о политических целях и мотивах террористов, маскируемых под религиозные, является то, что идеологические разногласия между различными террористическими группами легко преодолеваются, если это позволяет достигнуть военно-политических целей. Главным доводом духовных наставников таких групп служит аргумент, внушенный им их *«учителями»* о том, что их прежние религиозные верования являются неправильными и противоречат истинной религии. Другим фактором подверженности экстремистским идеологиям является отсутствие навыков критического мышления, которое не прививалось ни в советских, ни в постсоветских образовательных учреждениях. Не обладая навыками критического мышления, молодежь не подвергает сомнению воззрения своих духовных наставников и легко принимает их на веру [6, с.100].

К факторам религиозной радикализации, приводящим к религиозной девиантности, следует отнести *радикализацию через миссионерско-благотворительную деятельность; распространение экстремистских идеологий посредством обращения к представителям других религий; политизацию радикальных религиозных воззрений с целью создания религиозного государства в противовес светскому; радикализацию через интернет-пропаганду экстремистских групп*. Интернет-пропаганда является наиболее распространенным и в то же время наиболее трудным для противодействия способом

распространения экстремизма и терроризма. Механизмом трансляции религиозно-политического экстремизма является сетеобразование.

Следует отметить, что современный мир порождает и такой опасный тип террористических практик, как *этнорелигиозный терроризм*, который по своему содержанию становится терроризмом в любом проявлении и в любом регионе, если он порождается идеями национально-религиозного превосходства и исключительности, абсолютизацией и сакрализацией этноконфессиональной идентичности, нетерпимостью к любым иноэтническим и иномонархическим проявлениям [5].

По мнению современных исследователей проблем терроризма, к одному из видов данного явления относится такой *этнорелигиозный терроризм*, который осуществляется с целью торжества, практической реализации националистических и религиозных идей. Под *этнорелигиозным терроризмом* предлагается понимать такой вид, при котором преступление стимулируется мотивами обеспечения торжества своей нации и (или) религии; реализации национальных и религиозных идей, в том числе сепаратистских, за счет подавления или даже уничтожения других национальных и религиозных групп (причем и в рамках одной религии). Такой терроризм вырастает на почве экстремизма, национальной и религиозной нетерпимости, вражды, розни и дифференциации, неумения и нежелания видеть в других группах партнеров для переговоров и компромиссов [7, с.88].

Другим немаловажным аспектом, имеющим принципиальное значение в выявлении и предупреждении религиозной девиантности, являются *причины и мотивы вовлечения в нетрадиционные религиозные объединения*. О причинах и мотивах вовлечения лиц, особенно молодежи, в нетрадиционные религиозные объединения весьма ёмко высказываются современные педагоги и психологи. В частности, значимыми в этом контексте нам представляются научные труды Т.К. Мухиной и И.А. Чесноковой. Рассмотрим этот вопрос более детально. Так, существование религиозных сект имеет культурно-историческую обусловленность. Однако современные религиозные секты, которым присущи признаки деструктивности, приводят к отчуждению молодежи от семьи, образовательных учреждений, общества.

Религиозные секты являются формой поиска путей социального утверждения молодежи и ухода от проблем, затрудняющих социальную адаптацию индивида. Ценности и нормы поведения, которые молодые люди усваивают в подобных организациях, негативно влияют на формирование и становление личности. Мировоззренческий, деятельностный и экзистенциальный вакуум диктует необходимость педагогической деятельности, направленной на предупреждение вовлечения молодежи в деструктивные религиозные секты, так как под влиянием деструктивных религиозных сект у молодежи нарушаются процессы жизненного самоопределения, полноценного самовыражения и самосовершенствования.

Анализ причин ухода молодежи в деструктивные религиозные секты позволил Т.К. Мухиной выделить три блока причин данного явления:

- *Первый блок* составляют социальные причины, к которым относятся социально-экономическая и политическая нестабильность, социальное неравенство, девальвация нравственных ценностей и норм поведения;
- *Второй блок* – это причины социально-психологического и педагогического характера (кризис государственных институтов воспитания, дисгармония внутрисемейных отношений, отрицательное влияние социума);
- *Третий блок* включает личностные причины (патологические особенности личности, деформация ценностных и смысло-жизненных ориентиров, не критичность мышления) [8, с.10-12].

Эти причины не выступают изолированно, а образуют у каждого индивида свой причинный комплекс, который является неделимым целым, состоящим из детерминант первого, второго и третьего блока, которые в конкретных социально-педагогических и психологических условиях способствуют вовлечению молодежи в деструктивные религиозные секты.

Психолог Чеснокова И.А. совершенно справедливо отмечает, что значимыми социальными факторами и условиями, *способствующими росту числа вступающих в нетрадиционные религиозные объединения*, являются: нестабильность политической ситуации; низкий уровень экономического благосостояния населения; рост террористических и военных акций; безработица; безнаказанность работодателей за несоблюдение трудового законодательства; несовершенство правовой базы; отсутствие социальных гарантий (переход к платному образованию, здравоохранению), что вызывает

ощущение незащищенности и вынуждает граждан спланиваться вокруг харизматических лидеров и присоединяться к группам единомышленников [9, с.7-9]. В результате проведенного масштабного психологического исследования специфики религиозных чувств сектантов, цитируемый автор доказала, что важную роль играет не только их направленность, но и *характер эмоционального отношения верующего к лидеру секты*: только в том случае индивид полностью подчиняет свою волю и сознание группе, если верит в божественную сущность лидера, его наделенность сверхъестественными способностями, в связи с чем он становится для сектанта объектом поклонения [9, с.9-10].

Причины, приводящие человека в нетрадиционные религиозные объединения, носят универсальный характер во всех странах и включают ситуационный фактор; индивидуально-личностную предрасположенность; фактор эмоциональной привлекательности. По поводу основных причин и мотивов вовлечения в нетрадиционные религиозные объединения, А.Н. Чеснокова обосновывает ведущую роль и значимость *социального контекста*, который формирует (1) зависимость от группы, (2) растворение индивидуальности и (3) желание подчиняться групповым нормам и правилам.

Регулирующими механизмами группового подчинения являются *клятва* и *проклятие* – характерные ритуалы, и обязательная часть процесса инициации, включения в состав секты нового члена, присвоения ему официального статуса члена группы. Это средства производства и воспроизводства религиозной идеологии и психологии, способствующие дифференциации и интеграции человеческих сообществ на религиозной основе [9, с.11-12]. Руководители нетрадиционных религиозных объединений используют клятву в качестве средства приобщения к группе, стабилизирующего внутригрупповые связи, интегрирующего групповую целостность, порождающего у индивидов чувство ответственности.

Факторами, потенциально превращающими некоторые деструктивные религиозные организации в высокочинальные сообщества, а в наихудшем варианте – в *высокоэффективные террористические группы*, являются: жесткая иерархическая структура, строгая дисциплина и беспрекословное повиновение лидерам; наличие значительных финансовых средств, что позволяет широко использовать подкуп отдельных должностных лиц при подготовке террористического акта и обеспечивает высокий уровень технической подготовки планируемой акции; конспирация, взаимная слежка среди адептов, наличие собственной службы безопасности (в некоторых сектах существуют собственная разведка и контрразведка); контроль сознания адептов, вплоть до превращения части из них в «роботов», запрограммированных на беспрекословное выполнение любых приказов, включая готовность отдать свою жизнь «во имя целей культа»; специальная подготовка адептов (методы шпионажа, конспирации, слежки, ухода от слежки, поведения при аресте и пр.); высокая мобильность некоторых деструктивных религиозных организаций, к примеру – присутствие не более трех дней в одном городе, крайне затрудняющая в критической ситуации задержание руководства и адептов, подозреваемых в преступной деятельности; подготовка адептов к столкновению с правоохранительными органами, вплоть до изучения соответствующих законов и т.п.; наличие эффекта сниженного болевого порога у адептов некоторых деструктивных религиозных организаций, находящихся в состоянии транса.

Следует отметить, что среди причин и условий религиозной преступности как самостоятельной формы религиозной девиантности в литературе выделяются причины социальные. Так, социолог А.Н. Сыроваткин предлагает делить *социальные причины* и *условия* религиозной преступности на внутренние и внешние.

К *внутренним причинам религиозной преступности*, по его мнению, следует отнести противоречия в сферах социального религиозного бытия и религиозного общественного сознания, возникающие из-за объективных и субъективных проблем, трудностей, недостатков развития религии в обществе. В качестве внутренней причины выдвигается криминальная ценностная ориентация и впервые устанавливается место таких понятий как «зло, тьма, дьявол», их соотношение с равнодушием к жертве преступления в механизме религиозного преступного поведения. В качестве благоприятных *внутренних условий*, фаворизирующих совершение религиозных преступлений, автором предлагаются: профессиональное образование; наличие ученой степени или звания; отсутствие внутренней связи с семьей; слабое «Я» и эмоциональная нестабильность; слабое суперэго; недостаточная самомотивация и внешняя естественность в поведении, тревожность.

Внешними общесоциальными причинами преступности в государстве, по мнению автора, следует признавать подрывную международную деятельность разведывательных и иных специальных служб

других государств, результатом которой являются религиозный терроризм и иные политические и религиозные преступления; транснациональную религиозную преступность и др. Так, продолжая свои научные поиски, А.Н. Сыроваткин приходит к выводу о том, что *внешние общесоциальные условия религиозной преступности* следует раскрывать как воздействие на возникшие противоречия сферы общественного бытия посредством создания экономических трудностей для развития государства, содействуя тем самым выходу политической энергии людей в религиозную сферу, прежде всего в результате экстрасенсорной и сектантской деятельности. Более того, автор подчеркивает, что подобного рода религиозное давление, осуществляемое со стороны, реализует себя посредством воздействия на противоречия в сфере общественного сознания через клевету на традиционные религии и разжигание межрелигиозной вражды и др. В качестве *внешней причины* усматривается управленческая религиозная криминогенная ситуация. В роли внешних условий выступают: равнодушие окружающих, отсутствие потенциальных свидетелей, невозможность для жертвы оглашения этого факта и оказания сопротивления и др.

Таким образом, приходим к выводу, что по А.Н. Сыроваткину *внутренние социальные причины* религиозной преступности надо рассматривать как противоречия сфер общественного религиозного бытия и сознания; *внутренние социальные условия* – как проблемы, трудности, недостатки управления со стороны государства, общества, церкви, духовной сферой общества; *внешние социальные причины* – как религиозную преступность иностранцев, транснациональную и т.п.; *внешние социальные условия* – как внедрение со стороны зарубежных стран своих религиозных конфессий, пропаганду против православной церкви, ислама, иудаизма, буддизма.

Социолог Сыроваткин А.Н. подчеркивает, что значимым фактором, послужившим основой для религиозных исканий в постсоветский период, являлась *вера в скорое построение коммунистического, атеистического общества*, в котором для религии места не останется. Коммунистическая идеология, в силу своей специфики, сама стала создавать предпосылки для религиозных исканий. Люди, осознав, что построение «*коммунистического светлого будущего*» – это светская утопия, вынуждены были прибегнуть к богоискательству и к нетрадиционным религиям, которые открыто пропагандировали свои собственные синтетические утопии. Такие резкие социокультурные и политические причины послужили основой для проникновения и последующего распространения иностранных нетрадиционных религиозных движений. Эти процессы были обусловлены трансформациями социально-политической и духовно-идеологической жизни общества, а также религиозными исканиями и психологическими особенностями приверженцев нетрадиционных религий [10, с.12-14].

Особое место среди причин совершения религиозных преступлений занимают причины совершения особого вида преступлений религиозного характера – совершаемых по мотивам религиозной розни, дифференциации или вражды. Так, А.Ф. Минекаева среди вышеназванных *детерминант* выделяет следующие: недостатки политики государства в области разрешения межконфессиональных и этнических конфликтов; ухудшение социально-экономического положения в стране; идеологический и духовный кризис; целенаправленное возбуждение религиозной ненависти в религиозных учреждениях духовными наставниками; религиозная предубежденность людей, их нетерпимость к представителям отдельных религий; необъективное освещение религиозных вопросов в СМИ; ущемление прав и интересов отдельных религий [11, с.9-11].

В этом контексте согласимся с правоведом А.Ф. Минекаевой в том, что *предупреждение преступлений* может быть наиболее успешно осуществлено в случае точного выявления *мотивации преступного поведения* и его *психологических механизмов*. Изучение мотивационной сферы противоправных деяний невозможно без обращения к помощи психологов, занимающихся проблемами юридической психологии. В частности, автор предлагает *организовать службу психологической реабилитации для участников тоталитарных религиозных сект* [11, с.9-11]. По мнению педагога Т.К. Мухиной, неотъемлемым условием успешности предупреждения вовлечения молодежи в деструктивные религиозные секты является повышение психолого-педагогической компетентности и общей культуры родителей с целью их вовлечения в антисектантское воспитание.

Педагогическая профилактика вовлечения молодежи в религиозные секты как часть общей системы воспитания направлена на формирование гуманистических ценностных ориентаций, позитивной самооценки и культуры поведения, способствуя повышению автономности личности и обеспечению

психологической защиты в ситуациях риска; на привитие навыков противостояния групповому давлению; на принятие конструктивных решений в конфликтных ситуациях и привитие здорового образа жизни молодым людям [8, с.7-9].

Наиболее успешно в практической деятельности применяются следующие формы взаимодействия семьи и образовательных учреждений: формы координации воспитательных усилий по профилактической помощи (родительские объединения по проблемам семейного воспитания, лектории, круглые столы, практикумы, родительские университеты, конференции, школа для родителей); формы индивидуального сотрудничества в сфере профилактики (беседы, встречи, посещения на дому, тестирование, анкетирование, консультации); формы массового сотрудничества в целях профилактики (школьные, классные и внеклассные мероприятия, «огоньки», концерты, встречи, акции, проекты, поездки, походы); формы помощи и поддержки семьям, нуждающимся в антисектантской профилактике (общества взаимопомощи, родительские дружины, оперативные бригады специалистов, рейды, посещение и патронаж семей учащихся); формы обеспечения родительского контроля за реализацией профилактической деятельности (родительские комитеты, собрания, советы, комиссии); интерактивные профилактические формы взаимодействия (воскресные родительские клубы, социальные и психологические тренинги, деловые и ролевые игры, совместные творческие дела); заочные формы общения по проблемам антисектантской профилактики (рекомендации, советы, памятки) [8, с.7-9].

Педагогическими условиями, обеспечивающими эффективность процесса предупреждения вовлечения молодежи в религиозные секты, являются: выявление молодых людей, подверженных риску вовлечения в религиозные секты; проведение систематических целенаправленных антисектантских мероприятий с ними и их родителями; повышение уровня профессиональной компетентности педагогов и научно-методическое обеспечение профилактической деятельности; повышение психолого-педагогической культуры родителей с целью их вовлечения в антисектантское воспитание; реализация педагогической модели предупреждения вовлечения молодежи в религиозные секты.

Педагогическая модель предупреждения вовлечения молодежи в религиозные секты, разработанная Т.К. Мухиной, синтезирует три профилактических компонента: психологический (формирование знаний о себе, своих чувствах, способностях; формирование адекватной самооценки, позитивной «Я-концепции»); образовательный (формирование знаний о здоровом образе жизни, умений делать выбор, ставить жизненные цели гуманного характера и стремиться к их достижению) и социальный (формирование навыков общения, самореализации, самоутверждения) [8, с.10-11]. Целью педагогической модели является создание оптимальных педагогических условий для максимального удовлетворения потребностей саморазвития и самореализации личности ребенка, а системообразующим фактором – учебно-воспитательная деятельность всех субъектов образовательного процесса. Основными этапами реализации модели являются: организация психолого-педагогического наблюдения и диагностики; профилактическая работа с учащимися; коррекционная работа с учащимися группы риска; работа с семьями учащихся; отслеживание результативности работы.

Заключение

Религиозная девиантность и **религиозная преступность** не являются тождественными понятиями. *Религиозной преступностью* признается лишь та совокупность деяний, которые по своим признакам являются преступлениями (виновность, вредоносность, запрещенность уголовным законом, уголовная наказуемость). Под *религиозной девиантностью* надлежит понимать как любое нарушение действующего законодательства (в том числе и уголовного) в сфере религиозных правоотношений, так и любое нарушение социальных норм теологического характера.

Религиозный фундаментализм – это движение, остающееся в границах религиозного сообщества, за возвращение к основам религиозной веры, религиозным корням; отстаивание фундаментальных ценностей религии. В своих крайних проявлениях религиозный фундаментализм вырождается в экстремизм. Отстаивание «*чистой религиозности*» достигается при помощи очищения внешнего мира – так рождается религиозный экстремизм и терроризм.

Под **религиозным экстремизмом** понимается *устойчивая религиозная установка или один из типов современного религиозного сознания, прямо или косвенно нарушающий конституционные права личности, гарантии свободы совести.*

Радикализм фиксируется, прежде всего, на содержательной стороне тех или иных идей («корневых», крайних) и может быть только идейным, а не действенным, в отличие от экстремизма, который всегда бывает действенным, но не всегда идейным. Если радикализм проявляется *в содержании идей*, то экстремизм – *в методах их воплощения в реальность*. Экстремизм, опираясь на какую-либо идеологию, предоставляет теоретическое обоснование применению насилия, в то время как **терроризм** выступает как система действий, опирающихся, как правило, на экстремистскую идеологию, поскольку террор применяется для достижения поставленных политических целей.

Религиозная идентичность, как категория религиозного сознания, содержанием которой выступает осознание причастности к идеям и ценностям определенной религии, является одним из основных компонентов религиозного фактора, используемого террористами. Механизмы манипулирования религиозной идентичностью включают религиозное название группы, религиозный имидж группы, религиозные цели группы и способы достижения этих целей. Под влиянием деструктивных религиозных сект у молодежи нарушаются процессы жизненного самоопределения, полноценного самовыражения и самосовершенствования.

Причины, приводящие человека в нетрадиционные религиозные объединения, носят универсальный характер во всех странах и включают в себя: ситуационный фактор; индивидуально-личностную предрасположенность; фактор эмоциональной привлекательности. Важную роль играет не только направленность группы, но и **характер эмоционального отношения верующего к лидеру секты**: только в том случае индивид полностью подчиняет свою волю и сознание группе, если верит в божественную сущность лидера, его наделенность сверхъестественными способностями, в связи с чем он становится для сектанта объектом поклонения.

Регулирующими механизмами группового подчинения являются *клятва* и *проклятие* (характерный ритуал, обязательная часть процесса инициации, включения в состав секты нового члена, присвоения ему официального статуса члена группы); жесткая иерархическая структура, строгая дисциплина и беспрекословное повиновение лидерам; наличие значительных финансовых средств; конспирация, взаимная слежка среди адептов; контроль сознания адептов; специальная подготовка адептов; высокая мобильность некоторых деструктивных религиозных организаций.

Обосновывается ведущая роль и значимость *социального контекста*, который формирует: (1) зависимость от группы, (2) растворение индивидуальности и (3) желание подчиняться групповым нормам и правилам.

Предупреждение религиозной девиантности может быть наиболее успешно осуществлено в случае точного выявления *мотивации девиантного поведения* и его *психологических механизмов* и повышения психолого-педагогической компетентности и общей культуры родителей с целью их вовлечения в антисектантское воспитание.

В целях реинтеграции бывших членов *тоталитарных религиозных сект рассматривается уместной организация службы психологической реабилитации*.

Педагогическая профилактика вовлечения молодежи в религиозные секты как часть общей системы воспитания направлена на формирование гуманистических ценностных ориентаций, позитивной самооценки и культуры поведения, способствуя повышению автономности личности и обеспечению психологической защиты в ситуациях риска, развитию навыков противостояния групповому давлению. Представляется уместным осуществление предупредительной деятельности в трех направлениях (по Т.К. Мухиной): психологическом (формирование знаний о себе, своих чувствах, способностях; формирование адекватной самооценки, позитивной «Я-концепции»); образовательном (формирование знаний о здоровом образе жизни, умений делать выбор, ставить жизненные цели гуманного характера и стремиться к их достижению) и социальном (формирование навыков общения, самореализации, самоутверждения).

Литература:

1. ЧУДИНОВ, С.И. *Экстремизм: теоретико-методологические проблемы интерпретации*. <https://sibstutis.ru/upload/publications/a76/Eurasia-01.pdf>.
2. ДОЛГОВА, А.И., ГУСЬКОВ, А.Я., ЧУГАНОВ, Е.Г. *Проблемы правового регулирования борьбы с экстремизмом и правоприменительной практики*. Москва: Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2010. 244 с.

3. ГРОМОВА, Н.С. Вербальный экстремизм как особый вид преступлений: правовая и лингвистическая природа. В: *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. Тамбов: Грамота, 2015. № 11 (61): в 3-х ч. Ч.І, с.51-55. ISSN 1997-292X http://scjournal.ru/articles/issn_1997-292X_2015_11-1_11.pdf
4. *Профилактика (предупреждение) экстремизма и терроризма*. Методическое пособие для пропагандистов. / Под общей ред. Л.Н.Панковой, Ю.В.Таранухи. Москва: Университетская книга, 2010. 312 с. ISBN 978-5-91304-155-5
5. МИРОНОВА, О.А. *Религиозный и этнорелигиозный терроризм как один из видов современных угроз национальной безопасности государства*. УДК 323.285 (342.724) <https://cyberleninka.ru/article/n/religioznyy-i-etnoreligioznyy-terrorizm-kak-odin-iz-vidov-sovremennyh-ugroz-natsionalnoy-bezopasnosti-gosudarstva>
6. АХМЕДОВА, К.Б. *Религиозный фактор в политическом контексте противодействия терроризму*: Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. Специальность: 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии. Ростов-на-Дону: Южный Федеральный университет, 2014. с.75.
7. ЗЮКОВ, А.М. *Генезис уголовной этнополитики российского государства в период X-XXI вв.*: Монография. Владимир: ИП Журавлева, 2008. 448 с.
8. МУХИНА, Т.К. *Педагогические условия предупреждения вовлечения молодежи в религиозные секты*: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. Специальность: 13.00.01 – Общая педагогика, история педагогики и образования. Смоленск: Владимирский государственный гуманитарный университет, 2008. 20 с.
9. ЧЕСНОКОВА, И.А. *Влияние сект, культов и нетрадиционных религиозных организаций на личность и ее жизнедеятельность*: Диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук. Специальность: 19.00.05 – Социальная психология. Москва: 2005. 260 с.
10. СЫРОВАТКИН А.Н. *Деструктивное влияние нетрадиционных религиозных движений на духовную безопасность современного российского общества*: Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. Специальность: 09.00.11 – Социология – Социальные институты – Социология духовного развития общества – Социология религии. Пятигорск: Пятигорский государственный лингвистический университет, 2013. 170 с.
11. МИНЕКАЕВА, А.Ф. *Религиозная ненависть или вражда как мотив совершения преступления: уголовно-правовой и криминологический аспекты*: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Специальность: 12.00.08 – Уголовное право и криминология; Уголовно-исполнительное право. Казань: Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина, 2005. 28 с.

Date despre autor:

Lilia GÎRLA, doctor în drept, conferențiar universitar, Facultatea de Drept, Universitatea de Stat din Moldova; director Școala doctorală *Științe Juridice*, Universitatea de Stat din Moldova.

E-mail: liliagyrla@gmail.com

Prezentat la 16.01.2018